

Светский раут

Валерия ВАЛЬЦОВА

— Александр Васильевич, любите сладкое?

— Полтора года уже не пью ничего, поэтому перешел на сладкое и кофе. Когда Сашу Фатюхи на хоронил, многое понял. У меня уже до этого было три микроинфаркта. После очередного я в реанимации лежал, и мысль пришла такая: дай-ка брошу. Вот и бросил.

— И сразу по-новому взглянули на жизнь?

— К сожалению.

— ???

— Когда без осмотристельности во что-то бросаешься, то это интересно. А тут начинаешь меньше глупостей делать... Сейчас бы я ни за что на шестой этаж по водосточной трубе не полез. А раньше — ради Бога.

— Что же вас подвигло на такое сумасбродство?

— Девушка красивая... И присутствие рядом Павла Петровича Кадочникова. Мы были в одном ресторане в гостинице «Интурист» в городе Тери. Вышли самыми последними. Ночь поздняя. И вдруг с шестого этажа красивая,

светловолосая девушка, как сейчас помню, крепенькая такая, все при ней, кричит: «Мальчики!». Кадочников говорит: «Саша, это к тебе обращение. Я уже не смогу податься к ней, а в гостиницу не пустят. Вот я подсажу тебя сейчас на карниз, а с карниза, видишь, невыскажи до рекламы, на которой написано «Ресторан». Так почти до шестого этажа доберешься. А там немножко — и водосточная труба». Ну, подсадил, я и полез. Как током не убило на этой рекламе — не знаю, но добрался почти до окна. Думаю, в прыжке за край подоконника схвачусь, пьяный же был. А она хохочет, зыбывает, хулиганка такая. Ну и прыгнул. И ловис кончиками пальцев на краешке. Вешу, сил не хватает подтянуться. Вниз глянул — а там маленький Пал Петрович стоит, рядом с ним сержант милиции откуда-то появился. Пал Петрович громко и красиво показывает широким жестом в мою сторону и говорит: «Ну, не гусар ли, а? Гусар!». А милиционер спокойно: «Сейчас упадет — трул будет». Тут я уж взмолился к девушке: «Голубушка, подсоби!». Она меня и затщила. Слава Богу, живой остался. Потом с милиционером утром объяснились, он все понял. А Пал Петрович мне подарил фотографию с подписью: «Моему новому другу в память о гусарских ночах».

— Из-за того, что вы бросили пить, меньше ли стали бывать на светских мероприятиях?

— А я и тусовался на них не потому, что люблю эти тусовки, а потому, что девать себя некуда было. Без работы сидел подолгу. Когда стал режиссером, по 3-5 лет не давали ничего снимать, запрещали. И вот благодаря Господу я вернулся к прежней актерской профессии. Первым, кто обратил на меня внимание, как на актера, был Андрон Кончаловский. Он мой крестный отец в кино. Встретил он меня как-то в коридорах «Мосфильма» (я тогда мыкался, пытался пробить хоть какой-то сценарий) и говорит: «Саш, иди ко мне в ассистенты». Я и пошел. 110 рублей зарплата, а у меня даже квартиры нет. Андрон и предложил мне поработать у него еще и в качестве актера и специально для меня написал роль Сашки Верхового, из-за которого погибает герой Никиты Михалкова. Так я дебютировал в фильме «Сибиряда».

Актер Александр Панкратов-Черный вошел в нашу жизнь раз и навсегда после фильмов Карена Шахназарова «Мы из джаза» и «Зимний вечер в Гаграх». Казалось, яркому, взрывному темпераменту Панкратова-Черного все нюансы актерской профессии по плечу — от бесшабашной удалости джазиста до безудетной тоски горе-четоточника. Да и жизнь его такая же многогранная, как и его талант: он родился в семье репрессированных, мальчишкой сбежал из дома и поступил в театральное училище, потом, на пике провинциальной актерской славы, в очередной раз сбежал, теперь уже во ВГИК — учиться на режиссера. Кинематографическая Москва приняла Панкратова-Черного (а именно во ВГИКе к фамилии Панкратов прибавился столь запоминающийся псевдоним) в штатки. Фильмы снимать ему никто не давал. А Александр Васильевич не ушел и не хотел «подмазывать» чиновников из Госкино. И тут начинающему режиссеру выпал счастливый билет — ему предложили снова попробовать себя на актерском поприще. Мы встретились с Панкратовым-Черным в ресторане Дома кино. Известный актер во время разговора курил одну за другой сигареты, пил кофе и с наслаждением ел мороженое.

Александр «У меня руки

— Вы сейчас мало снимаетесь?

— Почему? Вот недавно вышли телефильмы «Сдвинутый», «Вход через окно». Я стараюсь сниматься у друзей. Но от сериалов, что мне сейчас предлагают, у меня как-то руки опускаются. А зарабатывать-то надо, жить-то на что-то надо... Вот недавно отнялся у Владимира Бортко в «Мастере и Маргарите». Он мне предложил сыграть Варенуху, но я решил, что роль вагира не для меня. Остановились на роли Степы Лиходеева. К Бортко я шел с волнением. Это потрясающе уважающий актеров режиссер. Это видно во всем: как нас встречают, как подают транспорт, как доставляют билеты. Я давно по этому сокрушался. Такое внимание я встречал только на картинах у Кончаловского и Рязанова. Когда встречаешься с профессионалом, неважно какого размера роль, важно, о чем играть, как играть. Говорят, что кинематограф умирает. Да нет, не умрет кинематограф, еще есть профессионалы. И дай Бог, чтобы у Бортко молодые ученились. А то ведь страшно: на площадку приходишь, а режиссер не знает, на каком языке с актером говорить. Я снимался у одного режиссера, не буду называть его фамилию, и спрашиваю его: «А что я делаю в этой сцене?». Он отвечает: «Да ниче, мы съедем тебя «по сих». Я говорю: «Так, может, еще выше, «по сих». Он говорит: «О, интересная мысль, давайте съедем актера «по сих», нехай глаза будут видны». С такими режиссерами страшно работать. Просто до самобийства можно дойти. Почему мы, актеры, и пьем с горя.

— Уж не от безысходности ли вы стали сниматься в рекламе «Автореала»?

— Я люблю сниматься в рекламе и не только потому, что там хо-

рошо платят. Это определенный жанр, шутка, хохма, второе дыхание для актера. Настасья Кински, Роберт Де Ниро, Эдди Мерфи — все снимаются в рекламе. Другое дело, что они зарабатывают там намного больше. Помню Лева Дуров был против рекламы, говорил, что народ дураит, потом, сморю, машины «ИЖ» рекламирует. Да, к сожалению, бывают такие рекламодатели, что дураят.

— Я как-то читала, что вы сами очень редко садитесь за руль.

— Действительно так. Я, к сожалению, попадал в серьезные автокатастрофы. Ну и потом я

Мне кажется, имидж любимчика женщин сами женщины мне и сделали. Зная, как они меня мучили, как издевались надо мной, вот и возвели меня в ранг эдакого Дон Жуана-счастливлчика. На самом деле я великомученик от любви

много лет регулярно пил, то есть относился к этому вопросу серьезно, обстоятельно, круглостучно. До сих пор во ВГИКе среди студентов поговорка ходит: «Панкратов-Черный начал пьянку в ночь с 16 на 27-е». Особенно одна авария меня вывела из себя. Запечатлительный режиссер Семен Морозов снимал комедию «Происшествие в Утиноозерске». Мой герой говорит по телефону-автомату, затем в сердцах бросает трубку, прыгает в свои «Жигули» и на большой скорости уезжает за угол дома. Это мы снимали в районе Старого Арбата. За углом поставили администратора — очень привлекательную даму и милиционера-гаишника, который следил, чтобы там никто не проехал и не прошел. Первые два дубля сняли нормально. И вот на третьем дубле я на скорости выскакиваю за этот угол, а навстречу мне мамаша с двумя детишками.

— Как же вы передвигаетесь по Москве?

— Меня возит Николай Иванович, очень хороший водитель. А машину мне все тот же «Автореал» подарил. Это уже третья их машина. Две предыдущие разбил мой друг-приятель, который до этого меня возил. Моя жена, кстати, тоже имеет права, но я ей не доверяю. Женщина за рулем — это для меня клинический случай. Женщинам я вообще ни в чем не доверяю.

— Интересно, а как же ваш киноимидж любимчика женщин?

— Вот нет, чтобы почувствовать мне! Мне кажется, этот имидж мне сами женщины и сделали. Зная, как они меня мучили, как издевались надо мной, вот и возвели меня в ранг эдакого Дон Жуана-счастливлчика. На самом деле я великомученик от любви, можно сказать. Но я и сыну сво-

Светский раут

том. Что-то меня кольнуло: а почему бы не послать свое сочинение? Я и отправил Небогатову школьную тетрадку своих стихов. И неожиданно получил ответ: «Саша! Нам необходимо встретиться. У вас интересные стихи». Я и поехал, а это три часа на автобусе. Нашел Михаила Александровича в Кемерове. Дверь мне открыл пожилой человек, фронтовик, инвалид. Принял очень добродушно: «Ну, давай, Шурка, рассказывай, как докатился до жизни такой, что стихи писать стал». Он будто знал, что я горе перенес — любовь безответную к одной девочке. Так мы сразу и подружались. Я к нему по воскресеньям приезжал, читал свои стихи, и он давал мне первые уроки поэзии.

— Почему же вы выбрали театральную, а не литературную стезю?

— Однажды в Кемерово залетел суперпопулярный в то время поэт Лев Ошанин. Он встретился с Небогатовым. А Небогатов, добрая душа, решил воспользоваться, не каждый же день Хлестаковы залетают в Кузбасс, и познакомил Ошанина со своими учениками. Из всех стихов, которые ему прочитали, Ошанин выделил меня, сказав: «Этот пацан вроде бы соображает в поэзии». Так Лев Иванович стал моим куратором.

том. Что-то меня кольнуло: а почему бы не послать свое сочинение? Я и отправил Небогатову школьную тетрадку своих стихов. И неожиданно получил ответ: «Саша! Нам необходимо встретиться. У вас интересные стихи». Я и поехал, а это три часа на автобусе. Нашел Михаила Александровича в Кемерове. Дверь мне открыл пожилой человек, фронтовик, инвалид. Принял очень добродушно: «Ну, давай, Шурка, рассказывай, как докатился до жизни такой, что стихи писать стал». Он будто знал, что я горе перенес — любовь безответную к одной девочке. Так мы сразу и подружались. Я к нему по воскресеньям приезжал, читал свои стихи, и он давал мне первые уроки поэзии.

Мы очень бедно жили, поэтому мама хотела, чтобы я стал военным — одежда и кормежка казенные. «На себя посмотри, — по-доброму говорила она, — ты же у меня страшненький, а за офицерами всегда симпатичные девчонки ухлестывают. У тебя жена будет красавица»

ковское театральное училище, на актерский факультет. Но после 2-го курса театральное все же бросил и пошел в Горьковский университет на филологический факультет. Думал все-таки потом становиться. Но меня исключили из университета за стихи. И я, выброшенный за борт, не знал, как маме признаться. Мы ведь репрессированы были, как политически неблагонадежная семья, и мама очень боялась, говорила: «Не пиши стихи — посадят, а то еще и расстреляют». У нас вся семья пострадала от культа лич-

ности Сталина. Все дяди мои были офицеры, четыре поколения в царской охране служили. Мама была напугана страшно и поэтому не хотела, чтобы я в артисты шел, чтобы стихи писал. Она хотела, чтобы я стал военным. Она считала, что офицер — это гордость, честь России. И потом мы очень бедно жили, поэтому мама считала, что военным человеком быть очень выгодно — одежда и

кормежка казенные. «На себя посмотри, — по-доброму говорила она, — ты же у меня страшненький, а за офицерами всегда симпатичные девчонки ухлестывают. У тебя жена будет красавица»

ка дети, разрешения на свое зачатие не спрашивают. А потом уже перестройка началась, думаю, почему бы не опубликовать сборник стихов. Потом уже меня приняли в Союз писателей. И даже храм Христа Спасителя с благоговением Патриарха открывали моей «Молитвой», переложенной на музыку Лидии Хмельницкой. Сейчас собираюсь еще два сборника издавать. Много думаю над ними. Хочу показать, как мой стиль развивался, как чувства крепились, как я выросл потихоньку.

Панкратов-Черный: опускаются от сериалов»

ему завещаю, чтобы он любил женщин. Любовь — это великий «двигатель» мужского существования. Как же без любви, тем более в искусстве? А сын у меня пошел, слава Богу, не по моим стопам, а на эстраду. Сейчас готовит целый моноспектакль. Он у меня талантливый, очень музыкальный.

— А разве вы не музыкальный человек?

— Абсолютно нет. Песню про чехоманчик в фильме «Мы из джаза» пою не я, а наш кинооператор Володя Швецик.

— Зато, насколько я знаю, вы — профессиональный поэт, издавший уже не один томик своих стихов.

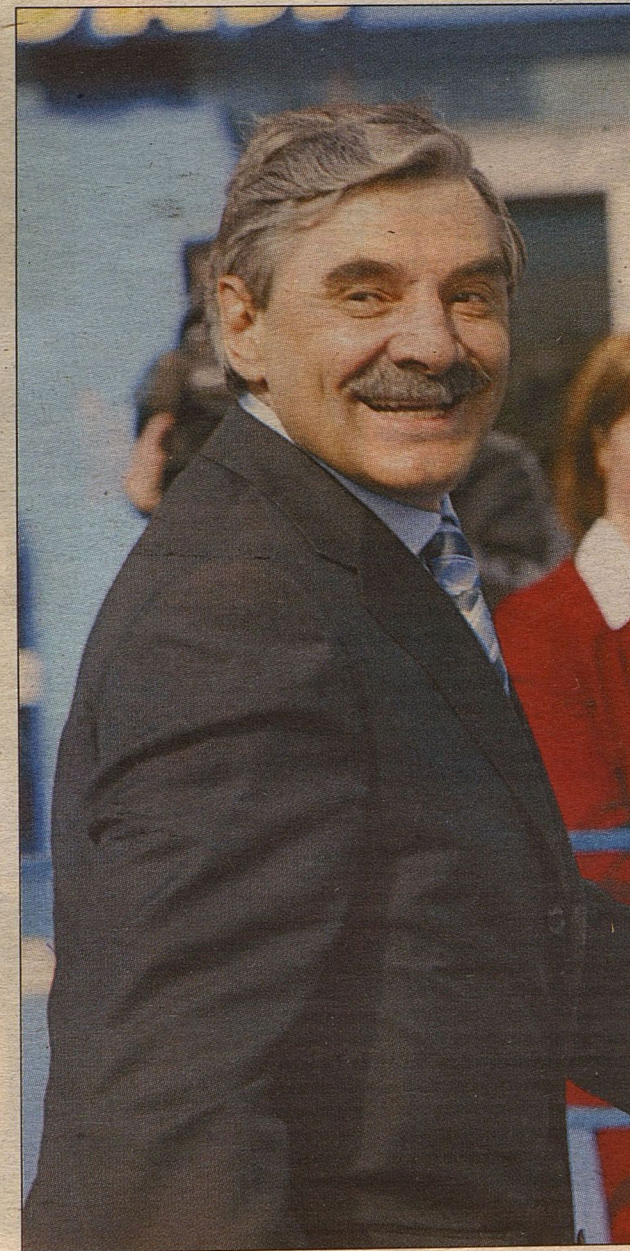
— Сейчас я уже даже член Союза писателей, но профессионалом никогда не хотел становиться. Поэтому и свой первый сборник назвал «Шаги к стихам».

— Не думали ли вы потом, перечитывая свои ранние стихи, что-нибудь изменить в них?

— Изменять нечего, потому что с каждым стихом связаны личные переживания. Чувства уже запечатлелись, а этого уже не изменишь. Лишь грусть охватывает. Читаю их и думаю: да, веселая у меня была жизнь...

— Как же началось ваше увлечение поэзией?

— Я сочинял стихи, сколько себя помню, может, даже когда еще писать не умел. Моя бабушка много сказок, былин знала. И мы с ней сочиняли иногда. Она била или стих какой начинает мне рассказывать, а я в этом ритме продолжение сочиняю. Ее это очень радовало... А ребенком, лет в 10, я прочитал в газете маленькое объявление, что редактор поэтического отдела кемеровской газеты Михаил Александрович Небогатов ведет детскую секцию поэзии, и дети, пишущие стихи, могут обратиться к нему за сове-

РОМАН ШЕВЦОВ